Популярность в современной отечественной детской литературе профессиональному психологу Екатерине Мурашовой обеспечили произведения разных жанров: рассказы о животных, авантюрные повести и пр. Однако можно считать ее главным литературным достижением повесть «Класс коррекции». На первый взгляд, это произведение может показаться подходящим под определение, давно данное литературными критиками – школьная повесть.

И в самом деле. Сюжет повести связан с повседневной жизнью классного коллектива большой школы. В этот класс попадают дети из неблагополучных семей, зачастую с отклонениями психики, имеющие конфликты с законом. Автор смело вскрывает проблемы современного российского общества: имущественное расслоение, правовую беспомощность низших слоев общества, равнодушие школы и государства в целом к обездоленным. Другими словами, произведение Е.Мурашовой по ряду существенных признаков подпадает под жанровую природу реалистической повести: в тексте есть точные приметы исторического времени, места, социальной среды.

Однако в определенный момент сюжет выходит за рамки реализма: обиженные жизнью подростки получают возможность бегства в некую параллельную реальность, в которой сбываются все их заветные мечты, где нет голода, болезней и несправедливости. Так, в текст произведения вторгается жанр фэнтези, существенной чертой которого является опора на мифологию, стремящуюся объяснить устройство мироздания в фантастических, иллюзорных формах. Идея параллельных миров давно и плодотворно используется многими писателями разных стран: Клайвом Льюисом, Филипом Пулманом, Владиславом Крапивиним, Сергеем Лукьяненко и другими. При этом авторы, вводя множественность локусов, решают конкретные художественные задачи. Так, К.Льюис создает свою Нарнию, чтобы донести до юного читателя библейские сюжеты и идеи. А вселенная Большого кристалла В.Крапивина призвана показать, что зло не носит характера неизбежности, но и борьба с ним – вечна.

Екатерина Мурашова, будучи практикующим психологом, хорошо знает болевые точки и проблемы современного детства. Ее книги, особенно «Класс коррекции» и «Гвардия тревоги», реалистически правдивы и жестки. Однако вторжение в реализм нереалистического жанра фэнтези заставляет думать, что автор делает это не просто ради развлечения читателя. Мурашова изображает ситуации, когда подростку, по выражению Достоевского, «некуда пойти». Не работают институты семьи, школы, милиции и т.д. В сложившихся условиях выход в иную реальность фэнтези может рассматриваться как известная капитуляция, когда писатель не видит в реальности действенных способов исправить поистине трагическое положение ребенка в современном мире.

1. Ковтун Е.Н. Поэтика необычайного: художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа. – М. – 1999.
2. Ковтун Е. Поэтика необычайного: Художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа. – М. – 1999.

Татевосян Р.В.

Святое право прощать («оправдание» Лермонтова в армянских переводах)

*Армянский государственный педагогический университет имени Хачатура Абовяна
(Республика Армения, Ереван)*

doi: 10.18411/lj-28-02-2018-38

idsp: 000001:lj-28-02-2018-38

Аннотация

В статье рассматриваются три перевода “Оправдания”. Строгая симметричность стихотворения, в котором на придаточные предложения, начинающиеся с двух “когда”,

следует ответ в двух последних строфах, разрушается в переводах. В переводе А.Погосяна грубо искажен смысл оригинала: вторая строфа, характеризующая героиню, в переводе представляет героя. Ал.Цатурян не переводит заглавия (“Оправдание”), которым подытоживается круг судебной лексики текста. В.Геворкян ближе остальных передал дух лермонтовского стихотворения.

Ключевые слова: перевод, грубое искажение, симметричность, заглавие, строфа, самохарактеристика героя.

Abstract

Here three translations of “Apology” are revealed. The strict symmetry of the poem where to the clauses which begin with two “when” follows the answer in the last two stanzas, is destroyed in the translations. In Pogosyan’s translation the concept of the original is roughly perverted: the second stanza which characterises the heroine in the translation depicts the hero. Tsaturyan didn’t translate the title (“Apology”) which sums up the circle of the juridical lexics of the text. V.Gevorgyan is closer to the concept of Lermontov’s poem.

Keywords: translation, rough perversion, symmetry, title, stanza, self-characterization of the hero.

«Оправдание» (1841) создано Лермонтовым в результате переработки «Романса к И...» (1831) и стихотворения Владимира Арбенина из драмы «Странный человек» («Когда одни воспоминанья»).

К Дж. Байрону возводят исследователи традицию самохарактеристики героя, появляющуюся в любовной лирике. В «Романсе к И...» эта характеристика проводится от 1 лица:

Когда я унесу в чужбину
Под небо южной стороны
Мою жестокую кручину,
Мои обманчивые сны
И люди с злобой ядовитой
Осудят жизнь мою порой,
Ты будешь ли моей защитой
Перед бесчувственной толпой?

«Романс к И...» перевел Ф.Киракосян [1, с. 9] (более ранний перевод нам неизвестен). В оригинале чередуются девяти- и восьмисложные строки, рифма перекрестная. Киракосян переводит восьмисложником, сохраняет характер рифмовки, но “разбивает” строфу, начиная пятую строку, как первую, с “когда”:

Երբ ես պահեմ օտար հողում,
Հարավային երկնքի տակ,
Այս թախիծն իմ անագորույն,
Երազներն իմ խաբող, անհազ,
Երբոր մարդիկ թույնով մի չար
Մեկ-մեկ անցած կյանքս դատեն,
Կկանգնե՞ս դու ինձ պահապան
Այդ անզգա ամբոխի դեմ:

«Оправдание», в отличие от «Романса к И...» и стихотворения Арбенина, построено как ораторская речь, обращенная к возлюбленной. «Оправдание» также

начинается с самохарактеристики героя, но представленной от третьего лица, от имени «твоего друга», друга возлюбленной:

Когда одни воспоминанья
О заблуждениях страстей,
Наместо славного названья,
Твой друг оставит меж людей
И будет спать в земле безгласно
То сердце, где кипела кровь,
Где так безумно, так напрасно
С враждой боролась любовь.

В переводе Ал.Цатуряна, в котором не переведено название (“Երբկյանքիս վերջին հրաժեշտ տալիս Այստեղ, մարդկանցում կը թողնեմ միայն Լոկ հիշողություն մուր կրքերիս, Փոխանակ շքեղ, փառավոր անվան. Երբ ցուրտ հողի տակ կը նիրհե հանգիստ Այն սիրտը, ուր ջերմ արյունն էր եռում, Ուր այնպես իզուր, ուր այնպես անմիտ Սերն ու թշնամանք կռիվ էին մղում. Երբ հասարակաց վրճով մեղապարտ, Դու գլուխ խոնարհած՝ կը լըռես իսպառ. Եվ անմեղ քո սերն, այն սերն անարատ, Ամոթ, նախատինք կլինի քեզ համար:

Перевод впервые был опубликован в “Мурч”-е[2, с. 753]. Каждое переиздание возвращало Цатуряна к работе над текстом. Включая “Оправдание” в сборник “Русские поэты”[3, с. 96] он изменил, например, первую строку, звучащую ранее так – “Երբվերջինհրաժեշտեսերկրինտալիս”.

Обращение Ал.Цатуряна к “Оправданию” не было случайным. Переводы в его творчестве не обособленный раздел. Сам поэт считал их неотъемлемой частью своего оригинального творчества. Глубоко прочувствованный в жизни конфликт “любовь-толпа”, вызов общественному мнению, преследующему возлюбленную поэта, оставившую своего богатого мужа ради поэта, отразился в его творчестве, в мотиве “гонимой любви”:

Любить, страдать, везде встречать гоненья –
Вот что нас ждет, Угоднотак судьбе
Чтож, я готов. Я в жизни знал мученья,
Но для чего так страдать тебе?!
(пер. Е.Полонской).

В трехтомнике произведений Лермонтова на армянском языке был опубликован перевод А.Погосяна [4, с. 261], в котором так же, как у Цатуряна, три строфы начинаются с «когда». Но в этом переводе первая строфа представляет не героя, а героиню, и «заблуждения страстей» характеризуют возлюбленную. У Лермонтова «воспоминанья о заблуждениях страстей» останутся вместо «славного имени» героя. В переводе же речь идет о «незапятнанном» имени героини, которое когда-нибудь обязательно станет «опороченным» в глазах людей:

Երբ որ կրքերիդ մոլություններից
Հիշողություններ կմնան միայն,
Ու մարդկանց աչքում քո անունն անբիծ
Կարատավորվի մի օր անպայման:

Вторая строфа перевода характеризует уже героя, а не героиню:

Երբոր հողիմեջ կհանգչի հավետ
Այն սիրտը, որտեղ արյուններ վառվում,
Որիմեջ այնպե՛ս սանօգուտ ու խենթ՝
Թշնամանքի դեմ սերն էր մաքառում.

В третьей строфе переводчик «возвращается» к героине:

Երբոր գլուխդ հակաձանք արբան՝
Կկանգնես մի օր դատի դեմահեղ,
Եվ այն ժամանակ, երբոր քեզ համար
Ամոթանքդ առնաք ու երբանմեղ.

Как видим, налицо грубое искажение смысла оригинала.

В переводе В.Геворкяна [5, с. 84] также три строфы начинаются с «когда», но смысл передан верно, и самохарактеристика героя – от третьего лица, как в оригинале:

Երբ որ, փոխանակ փառապանձ անվան,
Միայն կրքերի մոլություններից
Հիշողություններ կթողնի մարդկանց
Բարեկամը քո և ուրիշ ոչինչ,

Երբ սառ հողի տակ քնած լինի լուռ
Այն սիրտը, որտեղ արյունն էր եռում,
Որտեղ այնպե՛ս խենթ, այնպե՛ս ապարդյուն
Թշնամության դեմ սերն էր մաքառում.

Երբ համընդհանուր դատավճռի դեմ
Դու կպապանձվես գլուխդ հակած,
Եվ երբ քո սերը անմեղ ու անեղծ
Դառնա քեզ համար նախատինք հանկարծ:

В переводах А.Погосяна и В.Геворкяна не только три строфы начинаются с «когда», но и в третьей строке третьей строфы повторяется «когда»: («Եվ այն ժամանակ, երբ քեզ համար...»; «Եվ երբ քու երբն ամեն եղանակ...»).

В оригинале чередуются девятисложные и восьмисложные строки. В рассматриваемых переводах применен десятисложник.

Внутренняя анафора в строке «Где так безумно, так напрасно...» передана Геворкяном («Որտեղ այնպէ՛ւ իւենք, այնպէ՛ւ անպարտուն») и Цатуряном («Որ այնպէս իդո՛ւք, ուր այնպէս անմի՛տ »). В переводе А.Погосяна ее нет: «Որի մեջ այնպէ՛ւ անօգուտ ու իւենք».

«Безгласно» («И будет спать в земле безгласно») Цатурян перевел «спокойно», что диссонирует с общим контекстом поэзии Лермонтова, не дающим, в основном, спокойствия посмертному сну. В переводе Погосяна – «կհանգչի հալէս (угаснет навек), у Геворкяна – քիւժ լինի լուր (будет спать молча).

В переводе строки «С враждой боролась любовь» Цатурян не подчеркивает активной роли любви, у него борются любовь и вражда («Մերն ու թշնամանք կռիվ էին մղում»). В переводах Погосяна и Геворкяна эта строка совпадает, и она точна: «Թշնամության դեմ մերն էր մարտում».

Для стиля Цатуряна-переводчика характерно употребление нескольких слов вместо одного. В этом просвечивает иногда стремление не упустить оттенков смысла, а иногда выделить слово. «Славное название», например, в переводе Цатуряна – շքեղ փառավորանվան (роскошное, прославленное название), в переводе Погосяна – անուննանքիժ (незапятнанное название), у Геворкяна – փառաշանձանվան (прославленное название). У Лермонтова «любовь безгрешная», в переводе Цатуряна – безгрешная и непорочная («Եվ անմեղ քն մերն, այդ մերն անիրիւ»). У Геворкяна также два определения (անմեղ ու անեղծ). Цатурян добавляет в перевод и другие эпитеты: ջերմարյուն (горячая кровь), ցուրտհողի (холодная земля).

«Позор» Цатурян переводит двумя словами – «ամոք, նախատինք» (стыд, позор). У Геворкяна эта строка звучит так: «Դառնա քեզ համար նախատինք հանկարծ» (станет для тебя позором вдруг). Это «вдруг» не согласуется со всем стихотворением. Суд толпы был изначально предсказуем и неотвратим.

«Оправдание» предстает единым интонационно-логическим периодом: на первые три строфы (в оригинале это придаточные предложения, начинающиеся двумя «когда»), следует «ответ» в последних двух строфах:

Того, кто страстью и пороком
Затмил твои молодые дни,
Молю: язвительным упреком
Ты в оный час не помяни.

Но пред судом толпы лукавой
Скажи, что судит нас Иной,

И что прощать святое право
Страданием куплено тобой.

Эта строгая симметричность разрушается в переводах тремя “когда”. В переводе Цатуряна перед словом «молю» появляется восклицание («Օ՛հ, աներսմեմ...»). «Общий приговор» в переводе А.Погосяна – это «грозный суд». У Геворкяна точнее – «համընդանուր դատավճիռ». В переводе Цатуряна это уже свершившийся суд, вынесший обвинительный приговор («հասարակաց վրձով մեղապարտ»).

Приведем последнюю строфу в трех переводах:

Սակայն նենգամիտ ամբոխի դատին
Ասա, որ ա՛յլ է մեր դատն իր ոգով,
Եվ որ ներելու սուրբ իրավունքին
Դու արժանացար քո տառապանքով:
(пер. А.Погосяна)

Բայց նենգ ամբոխի դատաստանի դեմ
Ասա՛. կդատի մեզ այլ դատավոր,
Եվ ներման քո սուրբ իրավունքն արդեն
Դու գնել ես քո տառապանքով:
(пер. В.Геворкяна)

Բայց երբ կը կոչեք եզանք ինաստյան,
Ասա– մեզ դատող կամիա՛յլ էակ,
Որից գընել ես հանցանք իս ներման
Սուրբ իրավունքը՝ կրեւելով տանջանք...
(пер. Ал.Цатуряна)

Точнее перевод Геворкяна. Он пишет об «Ином судье» (о Боге), а не о по духу ином суде (так у Погосяна). В переводе Цатуряна «Иной» передан как «այլ էակ» (другое существо). Точнее передана Геворкяном и мысль о купленном страданием праве прощать. У Погосяна возлюбленная «удостаивается» этого права. Отметим также, что Цатурян отклоняется от пунктуации оригинала и завершает стихотворение многоточием. Размыкая текст многоточием, Цатурян нарушает логику его развития, безукоснительность приговора – оправдания. Он не переводит и название стихотворения. Слова “оправдание”, ставшего названием, нет в тексте, но есть другие слова из судебной лексики: в третьей строфе – приговор (“Когда пред общим приговором”), в пятой, последней – суд, судит (“пред судом толпы лукавой”, “судит нас иной”). Толпа произносит обвинительный приговор, а “Иной” выносит оправдательный приговор. И слова судебной лексики текста подытоживаются вынесенным в заглавие оправданием.

Переводы Цатуряна, конечно, не безупречны. Еще современники отмечали в них погрешности, неточности, иногда ошибки [6, с. 122-124]. Но несомненно историческое значение переводческой деятельности Ал.Цатуряна, способствовавшей созданию у армянского читателя довольно полного представления о поэзии Лермонтова в частности.

Перевод А.Погосяна, как мы уже отмечали, искажает смысл оригинала. В.Геворкян ближе остальных к духу и букве лермонтовского стихотворения.

1. Лермонтов М. Одинокий парус, Ереван, 2007 (на армянском языке).
2. “Мурч”, 1893, №5.
3. “Русские поэты”, М., 1905.
4. Лермонтов М.Ю. Собр. соч. в трех томах, т. 1, Ереван, 1965 (на армянском языке).
5. Лермонтов М.Ю. Избранные произведения, Ереван, 1982 (на армянском языке).
6. См.: «Горц», 1917, № 7-8 (статья Ц.Ханзадяна).